

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

Сборники произведений
Виктории Токаревой
в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать — не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины
Немножко иностранка

Виктория Токарева

Немножко иностранка

Рассказы и очерки



Санкт-Петербург

УДК821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43
Т51

Токарева В.

Т51 Немножко иностранка : Рассказы и очерки. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 256 с.

ISBN 978-5-389-11273-5

«.. Что такое талант вообще? Это дополнительная энергия, которая ищет выхода. И находит. Энергия чужого таланта распространяется и на меня. Я ее чувствую. Гениальность — несколько другое. Гений — проводник между Создателем и людьми. Создатель через гения передает свои послания.

Я стою перед фресками Джотто и через семьсот лет принимаю сигнал».

В. Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-11273-5

© Токарева В. С., 2016

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
Издательство АЗБУКА®

рассказы

с лицом осетра

От Инны Рогожкиной ушел любовник. Бросил. Без объяснения причин. Так легче.

А какой был роман... Не роман даже, целая жизнь. Все это продолжалось десять лет. Инне казалось: вот они — две половинки целого, но... он нашел себе другую половинку.

Инна знала эту женщину. Моложе, но ненамного. На пять лет всего. Сейчас популярна разница в двадцать и тридцать лет. Появилось словечко «папик», это значит — папа, отец. Мужики женятся на дочках, а дочери — на деньгах.

А здесь, в случае Инны, — ничего не понятно. Соперница по имени Василиса была похожа на трансвестита, как будто сделана из мужика. Мужик натянул платье, отрастил кудри и отрезал пенис. А может, не отрезал,

а оставил как было. Василиса — плечистая, разворотистая, но главное — в другом. Василиса была богатая, в отличие от Инны, которая сводила концы с концами.

При социализме учили, что деньги — зло. А деньги — это как раз благо, свобода, возможности. Зло — это отсутствие денег. Но стране было выгодно держать людей в бедности, поэтому бедность воспевали: «А я еду, а я еду за туманом, за туманом и за запахом тайги». Эти слова переиначили: «А я еду, а я еду за деньгами, за туманом едут только дураки».

Любовник — его имя Владик — ушел к богатой. Есть даже термин «золотая мамка». Владик ушел к золотой мамке. Она поможет ему выпустить альбом, даст золотой пинок. А от Инны какая польза? Только слова и объятия. За десять лет объятия изнасились. Впереди — изматывающий труд художника-карикатуриста, постоянное перенапряжение — карикатуру в каждый номер газеты, боязнь халтуры, боязнь повтора.

Инна знала себя. Она десять лет любила, теперь ей понадобится десять лет, чтобы изжить это чувство. Итого двадцать лет псу под хвост. Как раз — вся молодость и зрелость.

Что останется впереди? Перезрелость и обида на все человечество.

с лицом осетра

Справедливости ради надо сказать: первые десять лет — не под хвост. Это не были вырванные годы, как говорят. Это был рассвет над Москвой-рекой, «весенняя гулкая рань, счастье, настолько осязаемое, что его можно было потрогать руками, прикоснуться губами, испить до дна».

Сейчас счастье отобрали, нагло выхватили и еще облили помоями с ног до головы. Все ходят мимо и усмеваются.

Инна покрылась красной сыпью. Врач сказал: на нервной почве. Кожа реагирует на стресс.

Далее врач сказал, что надо намазаться болтушкой и не мыться три дня. Желательно нигде не появляться, поскольку болтушка вонючая, с примесью дегтя. А через три дня можно будет все смыть под душем и посмотреть результат. Возможно, кожа очистится. А если нет — намазать снова на новые три дня.

Инна решила уехать из Москвы. У журналистов был свой дом в Прибалтике, туда не пускали посторонних. Хотя зимой путевки продавали всем желающим, чтобы помещение не пустовало, а приносило доход.

Инна купила две путевки — себе и дочке. У нее была восьмилетняя дочка Настя — любимая толстая девочка с круглым смуглым личиком. Инна называла ее «Блинок»

виктория токарева

(от слова «блин»). Впереди у дочки зимние каникулы, пусть девочка подышит соснами и морем. К тому же возле Инны будет родная душа, будет о ком заботиться, кого любить. Тяжело оказаться одной в обнимку со своим горем, а так все же втроем: она, дочка и горе.

Инна приехала на поезде. Ночью не переодевалась в пижаму, осталась в свободном индийском платье. Платье — не дешевая марлевка, а из плотного хлопка с вкраплением ярких квадратов. Глядя на Инну, сразу становилось понятно, что барышня не хухры-мухры, а вполне продвинутая, модная, но не веселая. Даже можно сказать — грустная. Подавленная. Не хотелось к ней приставать. От нее не исходило зовущих сигналов. Наоборот, шел сигнал: «Отстаньте все от меня, я вас всех ненавижу, чтоб вы сдохли в страшных мучениях».

Дом отдыха был огромный, гулкий. Им досталась комната на седьмом этаже. Этот этаж считался престижным. Хороший вид из окна: сосны, заснеженное море.

В столовой также достался уютный столик у окошка на четыре человека. Напротив сидела молодая женщина, существенно моложе Инны, с пятилетней девочкой.

с лицом осетра

Девочка Даша — маленькая разбойница: верткая, тощенькая, дикая. Волосы — черные до синевы, как у китайца. Челка до зрачка. Постоянно чем-то недовольна. Очень милая. Смешная. На нее хотелось смотреть и смотреть. Настя прозвала ее «Дикареша».

Дашина мама по имени Маша — красавица, Шамаханская царица. Рюмочная талия, высокие брови, ясное лицо. Многословие. Говорила не переставая, но ни одного пустого слова. Каждое слово — золото.

Инна была рада, что ей не надо участвовать в беседе. Достаточно только слушать. Да и слушать необязательно. Можно просто сидеть молча и думать о своем. Она смотрела на Машу, на ее глаза цвета меда, мелкие зубы, безукоризненно белые.

Ангельский голос лился не переставая. О чем Маша говорила? О чем-то умном и вполне интересном. Маша была искусствовед.

Маша — молодая, Даша — маленькая. Лицезреть молодость и красоту гораздо приятнее, чем старость и увядание. Инна была рада, что ей достались такие соседи.

Инна сидела намазанная болтушкой. Стеснялась своего вида и запаха. Постоянно думала о Владике: почему он ее бросил и женился на грубой Васе с крестьянским

лицом? Причина проста. Он был жадный. А Инна — бедная. Что она могла заработать своей журналистикой? Денег — кошкины слезы и никакой недвижимости, двушка в хрущевке и дочка с круглым личиком. Все! А у Василисы в сумке водились доллары, спрессованные в толстую пачку. Она покупала еду и одежду в валютном магазине, там другая еда и другая одежда. И можно было широко угощать и одаривать. Вылезало совсем другое качество жизни.

Откуда валюта? От иностранцев. Откуда иностранцы? Личная инициатива. Василиса была купи-продай, покупала и продавала и понимала, что под лежащий камень вода не течет.

Владик любил деньги, ничего странного. Принято считать, что женщины любят богатых мужчин. Правильно. Но и мужчины любят богатых женщин. Почему женщинам можно, а им нельзя?

Маша говорила о Чехове. О том, что настоящую биографию Чехова написал англичанин. Странно, почему англичанин, а не русский?

— А почему Чехов не женился на Лике Мизиновой? — спросила Инна. — Лика гораздо красивее, чем Книппер.

— Антон Павлович был сноб, — ответила Маша.

с лицом осетра

— В каком смысле?

— Лика — обычная, заурядная девушка. А Книппер — популярная актриса в ведущем театре. Она быстро сделала из их брака бизнес. Чехов стал акционером. Другой уровень.

Инна покачала головой. Даже Чехов купился, а что уж говорить о Владике, бедном карикатуристе.

Блинок сидела рядом с Инной и с удовольствием кушала поставленную еду. Время от времени вытирала рот о мамин рукав. Хорошо, что платье было не парадное, бросовое. Такое поведение ребенка недопустимо, но Маша не удивлялась и не делала замечаний, как бы не видела. Воспитанный человек. Инне было лень воспитывать дочку. Она ее любила и обожала — вот и все воспитание. И Блинок чувствовала материнскую любовь даже тогда, когда мамы не было рядом.

— Вы замужем? — спросила Инна.

— Да. Мой муж приедет завтра. Мы будем вместе встречать Новый год.

Инна вспомнила, что завтра тридцать первое декабря. Новый год, семейный праздник. А она — без семьи, только Блинок. Инна разошлась с мужем давно, еще до своего романа с Владиком. Почему разошлась? Трудно сказать. Причин не было. Как-то не

жилось, и все. Разные звери. Удивительно не то, что они разошлись, а то, что поженились.

Завтра посреди зала поставят елку, все красиво оденутся и встретят Новый год. Инна решила, что она не пойдет на праздник, даже не спустится в зал. Она не может надеть красивое платье из-за болтушки, а смывать рано. Должно пройти еще двое суток: тридцать первое и первое. В Новый год она останется в номере, включит телевизор, они с Блинком посидят в обнимочку и лягут спать. Чем не Новый год?

Маша в свою очередь не спросила у Инны, замужем ли она. Захочет — скажет. А если промолчит — значит, не захочет, и нечего лезть с расспросами.

Дикареша крутилась на стуле, ей надоело сидеть на одном месте. Маша разрешила ей выйти из-за стола. Дикареша кинулась пересекать столовый зал слева направо, вдоль и поперек, сшибая стулья и официантов. Замечаний ей не делали, поскольку Маша и Даша — не простые, а номенклатурные. Машин отец — большая шишка в государстве. Такие подробности утаить невозможно. При этом Маша вела себя безукоризненно, никак не обнаруживая своего превосходства.

Инна поняла: Маша всю жизнь росла в любви и в достатке. Любовь и достаток делают

с лицом осетра

людей гармоничными, добрыми, адекватными. А бедность и безлюбье — озлобляют. Именно из таких вырастают приспособленцы и предатели, и уголовники в том числе.

— А где ваш муж работает? — спросила Инна.

— В почтовом ящике. Инженер.

Инна удивилась. Ей казалось, что у Маши муж — арабский шейх или принц Монако, он в то время был холостым. В крайнем случае — отечественная знаменитость, но уж никак не инженер из почтового ящика.

— А как его зовут?

— Игорь. Гарик.

Позже Маша расскажет, что ее детство и юность прошли в южном городе. Отец Маши был хозяином края, и Машин брак с Гариком считался морганатическим, то есть неравным, поскольку Маша — дочь короля, принцесса, а Гарик — сын водопроводчика.

— Красивый? — догадалась Инна.

— Похож на осетра.

— Благородная рыба.

— Вовсе нет. Ценители рыб называют осетра «морская свинья». Грубое мясо.

— За что же вы его полюбили?

— За то, что он ТАКОЙ...

Инна поняла, что Гарик — принц-консорт, как муж королевы Елизаветы, и ему необязательно беспокоиться о деньгах.

— Моего отца перевели в Москву, мы переехали. Отец сделал нам квартиру во время Олимпиады. Это было практически невозможно, но нам дали квартиру улучшенной планировки.

— Где? — спросила Инна.

Маша назвала улицу и дом.

Инна вытаращила глаза. Она жила в том же районе. Это был хороший знак. География в дружбе — определяющий фактор. Жить на разных концах города — это то же самое, что в разных государствах. Друзья встречаются раз в год, а потом и вовсе перестают. Жизнь разводит в конце концов. А проживание рядом людей объединяет, делает почти родственниками.

Наступило тридцать первое декабря.

Гарик приехал к обеду. Инна с Блинком сидели за столом и ели суп.

Маша встречала мужа, и они вместе вошли в зал. У Маши была немножко странная походка: она подрагивала спиной, как будто шла по острым камешкам. Ее муж шагал легко и пружинисто, что выдавало в нем спортсмена. Одет интересно: бежевый пуловер и вокруг горла длинный бежевый шарф, концы свисали низко. Тонкокостный, с прямой спиной и высокой шеей, как артист балета. Самое слабое звено —

с лицом осетра

лицо. В лице действительно было что-то от осетра.

«Могла бы и получше себе найти», — подумала Инна, но ей было все равно. Какая разница... Чужая жизнь была за гранью ее интереса.

Пара подошла к столу. Инна подняла глаза на Гарика и сказала:

— Здравствуйте...

Он смотрел на Инну и, казалось, продирался взглядом сквозь ее горе и равнодушие.

— Здравствуйте, — ответил Гарик и сразу стал симпатичный, хотя оставался похожим на осетра. Но ведь и осетры бывают симпатичные.

Позже он скажет Инне, что все произошло в первую секунду. Одновременно со «здравствуйте». Он влюбился с первого взгляда. В такую вот грустную, несчастную и не особенно молодую в сравнении с женой. Маша была моложе Инны на восемь лет и красивее в восемь раз. Да что там говорить...

Инна увидела вдруг, что за столиком не хватает стула для вновь прибывшего гостя. Стол рассчитан на четырех человек, а Гарик — пятый.

Она поднялась со своего места, взяла два столовых прибора и перешла за соседний свободный столик.

Дикареша подскочила к отцу, облепила его колени. Стало видно, что они похожи — те же темно-синие волосы, низковатая макушка. Макушка у обоих располагалась чуть ниже, чем положено. Дикарь-папа и Дикареша-дочка.

Гарик остался стоять возле стола, склонив голову. Правильнее сказать: повесив голову. Его огорчил уход Инны. Хотелось компании. Хотелось, чтобы было весело. Семья — это семья. Изучена вдоль и поперек, ничего нового. А Инна с девочкой — это два новых человека, которых интересно познать и себя прокатить на новой матрице. И что-то еще, неведомое, зовущее и дразнящее.

Инна заметила эту склоненную голову, висящие руки. Маша тоже заметила, но сделала вид, что не заметила. Впереди Новый год, семейный праздник. Семья в сборе, а это — главное. Остальное — детали. Аксессуары. Кстати, красивая жена — тоже аксессуар.

Сбор гостей был назначен на одиннадцать часов вечера. Следовало проводить старый год, а потом встретить новый. Программа на всю ночь.

Инна не собиралась праздновать Новый год, но вдруг почему-то пошла в ванную. Встала под душ, пустила горячую

с лицом осетра

воду, густо намылила мочалку. Она с силой терла себя, как будто сдираала и смывала всю прошлую жизнь. Стояла в густой пене. Потом эта пена падала к ногам и уходила в дырочку стока, неведомо куда, в преисподнюю.

Инна вышла из ванной, завернулась в халат. Долго отдыхала в кресле. Тело дышало, приходило в себя. Инна превращалась из подранка в молодого зверя, полного сил, способного на полноценную охоту.

Блинок включила телевизор. Там передавали танцы народов мира.

Блинок пробовала повторять эти же ритмы. Она была кругленькая и неуклюжая, но старательная. Старалась изо всех сил и была собой довольна.

— Похоже? — спросила она у мамы.

— Как свинья на коня, — ответила Инна.

Блинок задумалась. Конь и свинья — совершенно разные животные. Как они могут быть похожи?

— А кто свинья? — уточнила Блинок.

— Конечно, они. — Инна указала в телевизионный экран.

Блинок удовлетворительно кивнула головой, однако танцевать перестала.

Инна сгребла ее в охапку. Она обожала свою дочку — милую, кругломорденькую, доверчивую. Ее ничего не стоило обмануть,

виктория токарева

убедить в чем угодно. Поэтому, именно поэтому ее надо защищать, любить и баловать.

Инна целовала своего Блинка. Вспомнила при этом, как горилла ласкала своего детеныша в сухумском питомнике. Видимо, такая вот всепоглощающая, зоологическая любовь к потомству заложена природой в человека и зверя и это и есть самая подлинная и самая долгоиграющая любовь. Она не проходит никогда.

В одиннадцать часов Инна с дочкой спустились к праздничному столу.

Маша, Гарик и Дикареша уже восседали на своем месте. Как все были наряжены! Девочки сверкали, как принцессы. Гарик в черно-белом, как пингвин. На Маше что-то элегантное, но не бросающееся в глаза. Она всегда одевалась таким образом, что ее одежда не запоминалась, не затмевала саму Машу. При этом был очевиден вкус и качество.

На Инне серое шелковое платье с глубоким вырезом. Сразу был виден французский шарм и крой. Наши модельеры не обладали таким воображением.

В России модельный бизнес расцвел позже, появились свои модельеры-звезды. Но это позже. Наступал восемьдесят шестой год, и никто не предполагал, что в ближай-

с лицом осетра

шем будущем Союз нерушимый разрушится в одночасье, разлетится на куски.

Красивая одежда сама по себе создает праздник. Весь зал пребывал в приподнятом настроении. Все поверили, что человек создан для счастья, как птица для полета. Некоторые философы считают, правда, что человек создан для страданий и для испытаний. Но все испытания остались дома, а здесь, на отдыхе, — никаких забот, свежий воздух, море и сосны, бутылки с шампанским, пробка в потолок.

Заиграл нехитрый оркестр.

«Сейчас он меня пригласит», — подумала Инна.

Гарик поднялся из-за стола и пригласил Инну на танец.

Маша бровью не повела. Как будто так и надо.

А может быть, так и надо? Что тут особенного?

Инна поднялась. Она была вполне молодая и вполне красивая, в расцвете лет, во французском платье.

Они с Гариком присоединились к танцующим.

Гарик положил свою большую ладонь на ее спину между лопатками. Ладонь была горячая, как утюг. Не жгла, но грела.

Гарик уверенно вел в танце. Танцевал он хорошо, но не только. Чувствовался мужик.

виктория токарева

Гарик ловко двигался, крутил Инну вправо и влево, и она крутилась, и у нее получалось.

Вернулись к столу оживленные. Выпили шампанского. Иннахватила целый фужер, как будто жаждала.

Девчонки пили клюквенный морс.

На следующий танец Гарик пригласил Машу. Это был рок-н-ролл. Гарик и Маша стали друг против друга и пустились в пляс, выделявая сложные фигуры. Танцевали слаженно, как будто долго репетировали накануне, но при этом, Инна заметила, они танцевали не вместе, а каждый сам по себе. Маша смотрела куда-то мимо Гарика. Куда? Может быть, в свои мечты, а может, в иную явь. Была не здесь, а в другом пространстве.

Гарик выделявал кренделя и получал удовольствие от ритма, от движения и от физических нагрузок. Фигура и пластика были у него отменные, и компенсировали некрасивость лица. В нем что-то было. Чувствовался жесткий диск и несомненное обаяние.

Инна пошла танцевать с Блинком. Настя прыгала, как бегемотик. К ним присоединилась Дикареша.

Дети отдавались радости так, как отдаются только дети, — всем существом до последней клеточки. Весь мир для них.

с лицом осетра

Потянулась неделя отдыха. В режим входила обязательная прогулка по морскому побережью. Вечером после ужина — кино. В один из дней Инна не пошла на прогулку. Захотелось остаться в постели и почитать. Чтение — пассивное творчество. И если Инна не работала за письменным столом, то хотя бы читала.

Депрессия иногда накрывала ее с головой, но это уже была другая депрессия. Не такая ядовитая, не так жгла. Просто отсутствие активности и желание полного покоя.

Инна на прогулку не пошла, а Настю отправила. Маша и Гарик охотно взяли Блинка, поскольку Блинки составлял компанию их Дикареше. Девочкам вдвоем было веселее, больше общих интересов, чем со взрослыми. Инна осталась одна в номере. Взяла блокнот и стала набрасывать статью на тему «Легко ли быть простым советским человеком?». Если ты никому не известный простой советский человек, попробуй попасть в хорошую больницу, поступить в хороший институт, элементарно попасть в Большой театр. Если ты простой советский человек, тебе разрешается работать за гроши, жить в блочной хрущевке, девять метров на человека, умереть раньше времени и получить место на Митинском кладбище. Там хоронили ликвидаторов Чернобыльской АЭС,

ряды ранних могил выстроились как на параде. Если ты простой советский человек, тебе разрешается иметь короткую жизнь и умереть за Родину. Это сколько угодно. Это называется «патриотизм».

За окном стало бело от снежной пурги.

«Как они там гуляют...» — забеспокоилась Инна.

В этот момент дверь распахнулась и нарисовался Гарик, его лисья шапка и дубленка были запорошены снегом. Он снял шапку и тряхнул ею. Инну обдало снежной пылью. Она вопросительно смотрела на Гарика.

— Они там в кафе зашли, — торопливо сообщил он. — Придут не раньше чем через полчаса.

Он стоял возле кровати и выжидающе смотрел на Инну.

— Вы что, хотите за полчаса все успеть? — спокойно спросила Инна.

В этом вопросе таилась насмешка и презрение. Гарик распознал и первое и второе.

Обозлился и вышел.

«Идиот», — подумала Инна. Попробовала вернуться к работе, но статья не двигалась, выветрились все социальные мысли.

Надо будет написать статью «Легко ли быть одинокой женщиной в тридцать три года...».

с лицом осетра

Почему этот осетр явился к ней как к проститутке, типа: давай-давай, только быстро. Может быть, в ее облике чего-то не хватает? Или наоборот — что-то есть?

Объяснение простое: возле нее нет мужчины. Одинокая женщина — как непришитый рукав. Каждый старается этот рукав примерить: может, подойдет? Но есть еще одно объяснение. Просто Гарик — бабник. Имея прекрасную жену, он шарит глазами по сторонам. А если шарить, то обязательно вымотришь что-нибудь, что плохо лежит.

«Козел, — подумала Инна. — Все они козлы». Полигамия входит в мужскую сущность. Мужчинам надо осеменить как можно больше особей, чтобы оставить след после себя. И никакого романтизма. Романтику придумали люди, а природа глубоко равнодушна.

Инна не пошла обедать. Не захотела. Настя отправилась одна, деловито пообедала и захватила для мамы бутерброд с котлеткой, а сверху соленый огурчик. Завернула в бумажную салфетку. Инна посмотрела на сверточек, на Настю и поняла, что у нее есть друг. Не просто дочка, а верный человек со взрослой благородной душой. Значит, Инна не одинока. Нет. Не одинока.

Инна свесила ноги и стала есть бутерброд. Настя смотрела на то, как мама ест,

виктория токарева

и испытывала тщеславие. Это был ее удавшийся проект.

За окном мела пурга, а в номере было тепло и защищенно. И очень вкусно. Их собственный маленький мир.

Кино показывали в основном американское. Боевики. Полное барахло. В советской кинематографии много барахла, но если сравнить наш плохой фильм и американский — сравнение будет в нашу пользу.

Вся компания сидела в кинозале, уставившись в экран. Девочкам кино нравилось. Герой дрался ногами, как руками. Это приводило их в восторг.

Гарик сидел между Машей и Инной. Инна — слева, Маша — справа.

Кино — вполне бессмысленное и предсказуемое. Было очевидно, что главный герой всех победит и освободит любимую женщину.

Гарик накрыл своей ладонью руку Инны. Сделал это как бы между прочим, как бы ничего не происходит. Просто переложил руку со своего колена на колено Инны, где покоилась ее рука. Инна вытащила руку из-под его пальцев. Сделала это тихо, чтобы не привлечь внимания Маши. Не хватало, чтобы Маша заметила.

Гарик посидел какое-то время, глядя на экран, и вернул свою руку в прежнее по-

с лицом осетра

ложение: обнял пальцами ладонь Инны. Инна оставила все как есть. Покорилась. Не драться же с ним.

Так и сидели — рука в руке. Из его ладони струились токи. Инна чувствовала, как в ней все постепенно раскрывается навстречу его мужской силе.

Большинство мужчин, которых Инна встречала на своем пути, были «не по этому делу». Гарик — редкое исключение. Этим объяснялось, что он, будучи голоштаным инженером с лицом осетра, взял в жены красавицу из богатой семьи. А она — повелась. Влюбилась, должно быть. Можно понять.

Кино кончилось. Зажегся свет. Инна подхватила Настю и постаралась поскорее смыться. Ей было неудобно перед Машей. Хотя в чем ее вина? Что она могла сделать? Громко одернуть Гарика и тем самым поставить весь зал в известность, что Гарик — бабник, а Маша — жена бабника?

Инна ушла торопясь. Было похоже, что она сбежала.

Прошло две недели.

Гарик больше не приставал и не лез напролом, был тих и слегка трагичен. Его это украшало.

Инна с Машей подолгу гуляли, привыкали друг к другу. Вели откровенные беседы.

Маша поведала о том, что Гарик практически не зарабатывает, его зарплаты хватает только на его карманные расходы. Семью кормит отец Маши, и это недопустимо. Отец Маши презирает Гарика, Маша разрывается между отцом и мужем. Атмосфера унижительная. Гарик не хочет напрягаться, он хочет только играть на гитаре и сочинять свои песни одна хуже другой. Он знает, что голодать семье не дадут, а финансовые оттенки его не волнуют. Устроился сыночком.

— А ты не хочешь его поменять? — спросила Инна.

Маша долго молчала. Потом сказала:

— Мне нравится один человек, но с ним каши не сварить.

— Женатый? — догадалась Инна.

— Вроде того. Он колеблется, как маятник Фуко.

— Давно?

— Два года.

— Это плохо. Так и будет: перпетуум-мобиле. Вечный двигатель. А потом соскочит.

Инна рассказала свою историю и с удивлением заметила, что ей нетрудно рассказывать. Как будто это чужая история. Боль притупилась. Кожа очистилась.

Поездка пошла на пользу.

Маша умела слушать. Это была светлая, прозрачная, чистая душа, и становилось

с лицом осетра

странно, что даже такие красивые, совершенные люди сталкиваются с грубостью жизни.

Отдых подошел к концу.

Всей компанией вернулись в Москву. Поезд прибыл утром.

В этот же день Гарик подъехал к Инне домой и пригласил ее на базар. Это было очень кстати. Холодильник пуст, а машины у Инны нет. А без машины много ли унесешь?

Отправились на базар. Гарик умел выбирать мясо и овощи. Видимо, эта хозяйственная функция лежала на нем. Инна замечательно запаслась всем, что необходимо. Гарик дернулся заплатить. Инна не позволила. Она не хотела залезать в Машин карман. Еще чего не хватало... Гарик отнес сумки в машину. Можно было возвращаться.

Неожиданно Гарик исчез. «За цветами пошел», — предположила Инна.

Гарик вернулся с букетом астр — желтых и белых, похожих на собачьи морды. Инна любила астры больше, чем розы, потому что они долго стояли. А розы вяли на другой день. К тому же Инна обожала это ромашковое сочетание цветов: желтое с белым. Как Гарик догадался? Никак. Просто почувствовал.

содержание

рассказы

с лицом осетра	7
человеческий фактор	64
маленькое одолжение	86
немножко иностранка	156
портрет в интерьере	176

очерки

осеннее настроение	221
размышления у непарадного подъезда	225
прорвавшийся еврей	233
мой портрет	240
как хорошо мы плохо жили	244
мороз и солнце	250

Литературно-художественное издание

токарева
виктория самойловна
НЕМНОЖКО ИНОСТРАНКА

Редактор Д. Гурьянов
Художественный редактор П. Подколзин
Корректоры Т. Дмитриева, Е. Туманова
Технический редактор Л. Сеницына
Компьютерная верстка Т. Коровенковой

На первой сторонке обложки портрет Виктории Токаревой,
написанный Анатолием Зверевым в 1980 году
В оформлении обложки и суперобложки использовано фото
© Banana Republic images / shutterstock.com

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «Азбука»
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

16+

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 04.04.2016
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Original Garamond»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44
Тираж 30 000 экз. В-ТГ-19301-01-Р. Заказ № .

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru